

РЕЛЯТИВНАЯ ЕДИНИЦА КАК МАРКЕР ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ В ЯЗЫКЕ

А.Н. Бертякова

В статье на примере предложно-падежных форм демонстрируется роль релятивной единицы как маркера объективных и субъективных факторов языка. Под объективными факторами в языке понимаются изменения эволюционирующего языка как саморегулирующейся системы, под факторами субъективными – факторы, оцениваемые специалистами как правильные в данный исторический период развития языка. Активность релятивной единицы объясняется её функциональной природой – участием в выражении последовательности, иерархии мыслей человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: релятивная единица, предложно-падежная форма, языковая норма, объективные факторы языка, субъективные факторы языка, паратаксис, гипотаксис

БЕРТЯКОВА Анна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина.
anna_lazzo@list.ru

Цитирование: Бертякова А.Н. Регулятивная единица как маркер объективных и субъективных факторов в языке [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 4. – С. 59–76. Режим доступа: www.tverlingua.ru

RELATIVE UNIT AS A MARKER OF OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS IN LANGUAGE

Anna N. Bertyakova

The article demonstrates the role of the relational unit as a marker of objective and subjective factors of the language using the example of prepositional-case forms. Objective factors in a language are understood as changes in the evolving language as a self-regulating system, and subjective factors are factors that are assessed by specialists as correct in a given historical period of language development. The activity of a relational unit is explained by its

functional nature - participation in the expression of the sequence, hierarchy of human thoughts.

KEY WORDS: relational unit, prepositional-case form, linguistic norm, objective factors of language, subjective factors of language, parataxis, hypotaxis

BERTYAKOVA Anna N. – PhD in Philology, Docent of Pushkin State Russian Language Institute. anna_lazzo@list.ru

Citation: Bertyakova A.N. Regulative unit as a market of objective and subjective factors in language [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2020, № 4. – P. 59–76. Access mode: www.tverlingua.ru

Под объективными факторами в языке нами понимаются изменения эволюционирующего языка как саморегулирующейся системы, под факторами субъективными – факторы, оцениваемые специалистами как правильные в данный исторический период развития языка.

Рассуждая о правильности в языке, академик В.Г. Костомаров в монографии «Язык текущего: понятие правильности» пишет: «Единое средство общения, которое в интересах взаимопонимания людей кристаллизуется в безбрежном языковом океане, обрабатывается, регулируется и используется просвещёнными слоями общества, всегда соотнесено с настроением, потребностями, жизненными притязаниями эпохи» (Костомаров, 2014: 20).

Классическая художественная литература как образец и источник нормативности утрачивает свое первостепенное значение. Новая норма оказывается под воздействием современных масс-медиа. «Телевидение, радио, периодика, в целом массовая культура все активнее становятся «законодателями моды», «воспитателями» нового языкового вкуса» (Валгина: 2001).

Понятийными маркерами реалий новой культурной парадигмы, парадигмы всеобщей виртуализации и визуализации, становятся новые слова,

расширяющаяся парадигматика и новая синтагматика общеупотребительных слов. Ср., например, прогнозируемый новыми технологическими реалиями синтагматический ряд слова «сеть»: *локальная сеть, глобальная сеть, всемирная сеть, мобильная сеть* и др.

Проявляют себя как понятийные маркеры нового смысла и грамматические единицы. В то же время, по тонкому наблюдению академика В.Г. Костомарова, новое в грамматике традиционно воспринимается как нечто неправильное, нарушающее представление о языковой норме. Исследователь пишет: «Запуски космических аппаратов дали новые слова космонавт, космодром, лунник, прилуниться, расширили значение слова спутник. Грамматическое новшество вижу спутник боролось с наблюдать искусственного спутника (спутник, попутчик – одушевленные имена) в наших газетах не более полугода, но это редчайшее исключение; новое в морфологии чуть ли не вечно признается ошибкой, и мы упорно говорим вижу мертвого человека, мертвеца, хотя вижу труп» (Костомаров, 2011: 57).

История развития языка характеризуется двумя одновременно общими и противоположными тенденциями: 1) стремлением к сохранению и укреплению действующей в нём нормы и 2) стремлением к преобразованию сложившейся нормы (Navranek, 1938: 154).

Систему обязательных манифестаций или принятых единиц представляют списки слов или словарей. «Лексикализация понятия (т. е. выражение понятия в языке с помощью отдельного слова) свидетельствует о его особой значимости (ценности) и фундаментальности для данной культуры. Так, большое количество отдельных слов для разных видов снега в эскимосском языке означает важность понятия ‘снег’ и его разновидностей для эскимосов. В целом можно сказать, что членение внешнего мира, осуществляемое с помощью языка, отражается прежде всего в лексике» (Кронгауз, 2005: 101).

По отношению к слову как единице лексической системы норма представляется как императивная (всеобщая, обязательная) и диспозитивная

(допускающая выбор, вариантная (точнее вариационная, т.к. за альтернативной формой не закрепляется семантический нюанс (ср, акцентологические вариации слов *творог* и *одновременный* (пояснение автора -А.Б.)) (Валгина, 2001).

Также норма может быть общеязыковой и стилистической (лексема – маркер ситуации). Ср., например, общеязыковую акцентологическую норму слова *эпилепсия* и акцентологическую норму медицинского термина *эпилепсия*. Стилистическим маркером может быть и служебная единица. Ср. общеупотребительные варианты предлогов *между* (*меж*) с творительным, и ограниченные поэтической, художественной *между* (*меж*) с родительным падежом (Словарь русского языка, 1988: т. II, 245).

Правила сочетаемости, комбинирования лексем при выражении мысли прогнозируют определение нормы как процесса непрерывных изменений в языке. Единицей манифестации при этом понятия о норме становится релятивная единица или по терминологии Г.А. Золотовой синтаксема.

Эти изменения не регулируются волей человека, но являются результатом отражения в его сознании явлений и процессов объективной действительности в естественной последовательности их проявления (паратаксис, или сочинение) либо как процесс, связанный с выражением последовательности, иерархии его мыслей (гипотаксис, или подчинение).

«Великий В. Гумбольдт, - пишет В.Г. Костомаров, - видел в языке эргон (вещь, предмет) и энергию. Это различие продолжено многими учеными, чаще выделяющими три аспекта языковых явлений: язык, речь и речевую деятельность (Л.В. Щерба), систему, норму, речь (Ф. де Соссюр) и т.д. Связь этих ипостасей с языкотворчеством различна: нечто, рождаясь стихийно и случайно в живом общении, может, повторяясь и фильтруясь в норме, речевой деятельности, закрепляться в системе языка» (Костомаров 2014: 17).

Заложенное в коммуникативной деятельности стремление к правильности, сознательное действие в интересах эффективности общения,

проявляющееся в многообразии речевых проявлений, реализуется с помощью синтаксических ресурсов языка.

Особые синтаксические потенции исследователи наблюдают у имён существительных. См.: (Золотова, 2004: 49).

В общей тенденции развития русского языка отмечается и глубокий процесс синтаксических изменений в системе падежных отношений. В книге «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» академик В.В. Виноградов пишет: «Функции многих падежей осложняются и дифференцируются сочетаниями с предлогами. Так, с XVIII в. особенно широко распространяются предложные конструкции после глаголов: избежать, избавить, отстать, отпираться, отречься и т.п.» (Виноградов, 1986: 569).

Падежная форма (на каком бы уровне синтаксиса она ни работала) способна однозначно участвовать в порождении нашим сознанием определенного смысла потому, что за ней стоит интуитивно улавливаемое носителями языка пространственное представление. Это находит подтверждение в структуре человеческой психики, к древнейшим оппозициям которой принадлежат пространственные представления (Левин-Стросс, 1985).

Наиболее типичными случаями употребления предлогов обычно считаются пространственные употребления. Именно с них начиналось исследование семантики предлогов (см., например (Gougenheim, 1959), (Leech, 1969), (Clark, 1973)). Признак «n-мерности» встречается в работах, проводимых в рамках теории прототипов (см., например (Welsche, 1988)), а также в исследованиях когнитивного направления (см., например, (Hottenroth, 1991)).

Очевидно, прототипичность пространственных употреблений предлога определяется его синтаксической функцией маркера падежной категории, сущностную основу которой составляют пространственные отношения. Формирование субъект-объектного строя русского предложения (внутренний синтаксис) привело к тому, что конкретные падежи, оказавшись на

периферии (внешний синтаксис), стали маркироваться предлогами (Якубинский, 1953: 178–179).

Маркируя в отдельном сегменте высказывания базовое локативное значение пространственной модели взаимоотношения объекта и предикативного признака, предлоги актуализируют семантическую сущность имени в конкретном его употреблении, в данной синтаксической позиции.

В своих рассуждениях о способности предложно-падежной формы быть маркером субъективных и объективных факторов языка мы исходим из представления о значении как сложном целом, состоящем из обозначаемого предмета и понятия об этом предмете.

Так, правила поведения имен, по мнению А. Вежбицкой, возможно предсказать, опираясь на семантические дефиниции, включающие более расширенное толкование: в него должны попасть сведения о материальных свойствах обозначаемого (например, о размере и цвете), о типичном способе его использования, а также о том, как обычно думают об этом объекте, то есть о способе его концептуализации в языке (Wierzbicka, 1988).

Примером релятивной единицы – маркера объективных маркеров языка может быть актуализация предложно-падежной формой семантической сущности имени, склонной к трансформации в результате влияния внешней детерминанты, понимаемой как фактор, прогнозирующий новое состояние субстанции, ее новое содержание, нуждающееся в отображении языковыми средствами. Так, непривычное сегодня употребление предложно-падежной рамки *в телефон* в контексте глагола *говорить* еще во времена Чехова было единственно верным. Он писал: "Сейчас говорил *в телефон* грузинский учитель" (xix, 280); "'Сейчас *в телефон* говорила со мной Татаринова" (xix, 231); "Альтшуллер говорил *в телефон*" (xix, 231); "Сейчас говорил *в телефон* с Л. Толстым" (xix, 186) и т.д. «Со временем на смену конкретному пространственному изображению (направлению речи в аппарат) приходит абстрактная интерпретация. Наиболее близкой является аналогия с идеей связи и средства (или канала) такой связи: ср. *общаться по переписке* и

связаться по почте и более современные — *разговаривать по скайпу* или *общаться по интернету (связаться по электронной почте)*» (Кронгауз, 2017: 200).

Сегодня функциональная многогранность современного телефонного аппарата передается в таких грамматических новшествах, как: *закачать в телефон, вставить в телефон, заглянуть в телефон, хранить в телефоне, искать в телефоне* и др. См. об этом (Бертякова, 88-93: 2019).

Примером релятивной единицы – маркера объективных маркеров языка могут быть локативные формы существительных *лес, снег, край, рай, угол, порт* и др. Семы ‘локус’ и ‘предмет’, представляющие синкретичную семантику этих существительных, в предложно-падежных формах предстают как отдельные семы, образующие понятие об объекте и понятие о территории. По сути, релятивная единица становится первичным маркером понятия о территории. При этом функциональная рекатегоризация языковой единицы релятивного плана в языковую единицу плана номинативного сопровождается процессом адвербиализации, в функционально-синтаксическом плане характеризующейся нейтрализацией противопоставленности синтаксического и категориального значения исходной словоформы. Семантическое преобразование релятивной единицы следует рассматривать как синкретичное образование динамического типа. Традиционно синкретизм в языке и речи связывается с явлением синхронной переходности. «Синхронная переходность, - пишет В.В. Бабайцева, - это такой вид переходности, при котором связи и взаимодействия между оппозиционными центральными (типичными) категориями (типами), разновидностями, разрядами и т.д. создают (образуют) зону синкретизма с периферийными и промежуточными звеньями» (Бабайцева, 2000: 27). Формула этого синкретизма: А + В. Однако возможен синкретизм динамического типа (динамический), который характеризуется тем, что при нём языковая единица в процессе её реализации переходит от одного качества к другому, от одной категории к другой, находящейся к ней в

оппозиции, противопоставленной ей. Его формула за А следует В» (Чесноков, 2000: 124 – 128).

В лексическом плане на фоне деактуализации в значении имени семы ‘объект’ актуализируется сема ‘пространство’ (актуализации способствует пространственная сематическая идея, проецируемая предложно-падежной формой). Этот процесс сопровождается фразеологизацией значения. Внешними показателями фразеологизации становятся фонетические и ритмические изменения релятивной единицы. Так, в отличие от всех других падежных форм предложно-падежная форма *в лесу* имеет ударение на последнем слоге, а также характерное для дательного падежа окончание -у. Ср. также отмечаемые в лексикографической литературе фонетико-ритмические вариации: *выйти из лесу и из леса; идти по лесу и по лесу* (Словарь русского языка, 1988: т. II, 176).

Маркером актуализации пространственной семантики предложно-падежных форм этих существительных может быть и характерная для них приставочно-предложная корреляция *вы- из* и *во- в*. Ср:

- (1) *Едут дальше, **выехали из леса** на поляну* (Даниил Гранин «Зубр»);
- (2) *Вскоре они **вошли в лес**, и Костя свернул с дороги на едва заметную в зарослях стёжку – повёл напрямик* (Василь Быков «Болото»)
- (3) *Когда мы приехали на нашу дачу и **вошли в сад**, Вертинский и Осмеркина стояли на балконе* (Лидия Вертинская «Синяя птица любви») и др.

Очевидно, постоянные фонетико-ритмические маркеры семантический изменений релятивной единицы являются и свидетельством ее более глубокой категориальной трансформации. Так, локативные формы существительного *лес из лесу и из леса, из-за леса, в лес, по лесу и по лесу, над лесом* и др. (формы без фонетико-ритмических маркеров, либо сохраняющие вариативность фонетико-ритмического оформления) проявляют большую зависимость от глагольного контекста нежели предложно-падежная форма *в лесу*. Предлоги в этих предложно-падежных

формах актуализируют задаваемые контекстом особенности геометрических параметров обозначаемого именем объекта. Ср. некоторые локативные формы существительных *лес* и *сад*:

- (1) *Сегодня на лыжной прогулке зимнее серое небо **над лесом** вдруг **натекло** тяжелой грозовой сизостью, и казалось, от леса стеной наступает ливень* (Ю.М. Нагибин «Дневник») (субъект внутри и концептуализация части пространства);
- (2) *Она затравленным зверьком озиралась на дверь, на распахнутое окно, где в чистой голубизне погожего майского утра **пылало** солнце **над садом**...* (Юрий Бондарев «Берег»);
- (3) *Над самой гостиницей и **над садом** **вевли** флаги; студенты сидели за столами под обстриженными липками...* (И.С. Тургенев «Ася»).

В (1) и (2) концептуализация относительного сходства геометрических параметров объектов *лес* и *сад* происходит благодаря разной локализации самого субъекта восприятия: в (1) он находится внутри объекта, в (2) наблюдает его со стороны. В (3) нейтрализация для *над лесом* и *над садом* контекста недопустима, так как актуализируется понятие о занимаемой площади объекта.

- (4) *Далеко **за лесом** ударил гром, точно кто-то пробежал по гулкой жестиной кровле* (Михаил Елизаров «Библиотекарь»);
- (5) *И только он это сказал, как где-то далеко **за садом** закуковала кукушка* (Домбровский «Хранитель древностей»).

В (4) и (5) актуализация одного геометрического параметра объектов, однако представление об их площади не допускает нейтрализации глагольного контекста.

- (6) *Впереди огромная лиловая туча медленно **поднималась из-за леса**; надо мною и мне навстречу неслись длинные серые облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали* (И.С. Тургенев «Бирюк»);
- (7) *И пока она лежала, в трепете ждала, майский месяц **выползал из-за сада**, заглядывал золотым лучом в слуховое оконце: там он видел*

слушавшую Аграфену... (Б.К. Зайцев «Аграфена»);

(8) *Вдали из-за сада показалось белое здание школы* (А.С. Серафимович «Три друга»).

В (6) и (7) актуализация заднего плана объектов, глагольные контексты относительно взаимозаменяемы. В (8) актуализация того же геометрического параметра, однако подключается и параметр соотношения размера референта локализации относительно задающего ее объекта, что исключает органичность контекста для *над лесом*.

Очевидно, семантическая ёмкость предложно-падежных форм *в лесу* и *в саду*, включающая понятие о местонахождении, пребывании лица, становится предпосылкой использования этих релятивных единиц в заголовочных конструкциях. Ср.: «В лесу» - стихотворение Николая Некрасова, «В лесу» - книга Петра Багина, «В саду» стихотворение Анны Ахматовой, «В саду» — картина Пьера Огюста Ренуара и др.

Следует отметить, что функционирование предложно-падежной формы в заголовочных конструкциях тесно связано с проблемой самостоятельного, изолированного употребления синтаксемы - наименьшей (элементарной) синтаксической единицы. Так, Г.А. Золотова, анализируя газетные заголовки типа «О вреде табака», «Об очередных задачах», «На рисовых полях» и т.п., говорит о самостоятельном, изолированном функционировании синтаксем (Золотова, 2001: 4). Л.Д. Чеснокова, рассматривая эти конструкции с точки зрения структуры, считает, что «...в этих случаях вряд ли можно говорить об изолированном употреблении синтаксем, так как названные структуры, представляющие собой заголовки обычно газетных или журнальных статей, являются так же предложениями, но структурно неполными, обычно ситуативно-контекстуальными, смысл которых (значение пропущенных членов) восстанавливается с опорой на ситуацию и контекст» (Чеснокова, 1996: 15).

Принимая эти наблюдения, тем не менее при характеристике языковой единицы в заголовочной конструкции представляется целесообразным

учитывать два подхода: функционально-коммуникативный и структурный. Двусторонний анализ позволяет подобные конструкции рассматривать как особый вид предложений - функционально-заголовочные предложения. Эти предложения, обладая (из-за заголовочной позиции) определенной самостоятельностью, изолированностью, в то же время представляют собой один из структурных типов предложений русского синтаксиса – неполное изолированное детерминантное предложение.

Застывшая грамматическая форма языковой единицы становится маркером метафорического смысла, смысла, отражающего суть озаглавливаемого текста.

Трансформация семантики предложно-падежных форм *в лесу* и *в саду* в заголовочной конструкции проходит этап переосмысления этих единиц как единиц функционально-коммуникативного плана, с последующей метафоризацией как результата отражения семантической идеи текста в заглавии, а соответственно и трансформации в номинативную единицу. Номинативная функция «объединяет различные по форме речевые отрезки, выступающие в качестве заглавий, в единое целое. Лексикализует их, превращает в устойчивые единицы, в своеобразные фразеологизмы» (Попов 1966: 96).

Функционируя в роли заголовочной конструкции, релятивная единица выполняет роль маркера субъективных факторов языка, факторов, оцениваемых как ситуативно целесообразных.

Примером релятивной единицы как маркера субъективных факторов языка может быть фонетико-ритмическая вариативность предложно-падежных форм существительных *лес* и *сад* (*в лесу*, но *в лесе*, *в саду*, но *в саде*). Н.С. Валгина эту вариативность определяет как ситуативную норму (Валгина, 2001).

Фонетико-ритмический вариант *в лесе* и *в саде* в предложении прогнозируется позицией имени в начальной форме в заголовочной конструкции. Внутри текста предложно-падежная форма представляет

контаминацию существительного произведение, название и т.д. и собственно самого названия. В результате в семантике предложно-падежной формы актуализируется понятие об объекте, что находит выражение в фонетико-ритмическом оформлении релятивной единицы. Ср. примеры:

- (1) *Так в «Лесе» героиня уходит с актерами, и хотя зритель насмотрелся за пять актов на актерские невзгоды, он понимает, что это счастливый конец, потому что выход в метатему* (М.Л. Гаспаров «Записи и выписки»);
- (2) *Граница пролегла сразу за местечком в лесу, для её охраны была построена новая погранзастава на один погранзвод* (Василь Быков «Болото»);
- (3) *Чехов в «Душечке», а затем в «Вишневом саде» показал, что он в полной мере овладел секретами этого человеческого гоголевского комизма* (Б. Катаев «Чехов плюс...»);
- (4) *Мы были в саду, когда в рогатых васильках, что росли у забора, вдруг объявился заяц* (Юрий Коваль «Русачок-травник»).

Релятивная единица как маркер субъективных факторов проявляет себя в тексте публицистическом, художественном, поэтическом, в тексте, неотъемлемой характеристикой которого является образность, метафоричность. При этом прогнозируемая предложно-падежной формой семантическая идея (чаще всего о пространстве) диссонирует с семантикой имени, определяемой существенными свойствами обозначаемого объекта реальной действительности. В результате этого диссонанса возникает словесный образ, прогнозирующий ассоциативный ряд понятий. Подобное нарушение языковой нормы оказывается художественно значимым. Ср. примеры из поэтических текстов:

- (1) *Выбегу, тело в улицу брошу я. Обезумлюсь, отчаяньем иссецась...*
(В. Маяковский «Вместо письма»);
- (2) *...Седой кристалл в сверкающей пыли, Где Ангел, проклятый проклятием всезнанья, Живет меж складками морщинистой*

земли (М. Волошин «Я шел сквозь ночь»);

(3) *Я озираю очередь сограждан — усталой жизни убыль и урон. И убыстрилось, возрыдав о каждом, то, что дрожит меж сердцем и умом* (Б. Ахмадулина «Уж утро. За потачку Геркулеса...») и др.

В (1) семантическая идея направленного движения внутрь не коррелирует с пространственной концептуализацией понятия *улица*. Ср. производное значение «место вне помещения, под открытым небом». Для этого существительного характерны предложно-падежные формы *на улице, с улицы, через улицу*. Отсюда, очевидно, и фразеологическое сочетание *бросать на улицу* в значении «прогонять» (См. пример: ...и тебя я бросил, без денег, без поддержки, бросил на улицу с дочерью, с моей дочерью... В.Я. Брюсов «Моцарт»). Однако в этом контексте семантическая идея движения внутрь прогнозирует ассоциацию с неживым объектом (например, камнем: тело как камень – актуализация включенной в значение существительного тело семы ‘без движения’), который находится в руке человека и взмахом он заставляет его лететь, падать. Ассоциативный ряд камень, продолжает образ *дна. Дно* в поэтическом контексте как предел страдания человека.

В (2) и (3) стилистически ограниченный художественными, поэтическими контекстами культурно речевой вариант *между* (меж) с родительным маркирует пространственную акцентность (о синкретичной семантике предлога *между* см. (Бертякова, 28-29: 2015), контекстуально проецируемую идеей ‘нерелевантности объектной дифференциации’. В (2) идея буквальной пространственной ориентации объекта референции нейтрализуется как ирреальностью задаваемых ориентиров референтной локализации, так и мифологическим образом самого объекта референции. Однако задаваемая предложно-падежной формой ситуация прогнозирует отсылку к библейскому тексту об истории падения первого ангельского сына Люцифера, то есть, по сути, является текстовой реминисценцией (Бертякова, 95-101: 1999).

В (3) также как и в (2) идея буквальной пространственной ориентации объекта референции нейтрализуется ирреальностью задаваемых ориентиров референтной локализации, однако в отличие от (2) объект референции не называется – он остается образом, который автор предлагает домыслить своему читателю, что усиливает художественный эффект поэтического произведения.

Таким образом, релятивная единица как единица, связанная с выражением последовательности, иерархии мыслей человека, является активным маркером как объективных, так и субъективных факторов современного русского языка.

Ссылки – References in Russian

Бабайцева, 2000 – *Бабайцева В.В.* Явление переходности в грамматике русского языка. – М.: Дрофа, 2000. – 638 с.

Бертякова, 2019 – *Бертякова А.Н.* Предложно-падежная рамка как отражение семантических изменений имени // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи (Ярославль, 17-19 мая 2019 года) Сборник научных трудов Международного научного симпозиума. – Ярославль. 2019. – С. 88–93.

Бертякова, 1999 – *Бертякова А.Н.* Семантика и структура заголовков текстовых реминисценций на функционально-коммуникативном синтаксическом уровнях // Язык писателя. Текст. Смысл. Сборник научных трудов. Ответственный редактор Л.В. Лисоченко. – Таганрог, 1999. – С. 95–101.

Бертякова, 2015 – *Бертякова А.Н.* Синкретичная семантика предлога между // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2015, № 5. – С. 27–32.

Валгина, 2020 – Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01> (дата обращения: 2020)

Виноградов, 1986 – *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. Пособие для вузов / Отв. Ред. Г.А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.

Золотова, 2001 – *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Наука, 2001. – 440 с.

Золотова, 2004 – *Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – 544 с.

Костомаров, 2014 – *Костомаров В.Г.* Язык текущего момента: понятие правильности. – СПб.: Златоуст, 2014. – 220 с.

Кронгауз, 2005 – *Кронгауз М.А.* Семантика: Учебник для студ. Лингв. Фак. Высш. учеб. заведений / Максим Анисимович Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.

Леви-Стросс, 1985 – *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. – М.: Наука, 1985. – 536 с.

Якубинский, 1953 – *Якубинский Л.П.* История древнерусского языка. – М.: Учпедгиз, 1953. – 368 с.

Пешковский, 1956 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.

Попов, 1959 – *Попов А.С.* Функциональные типы номинативных предложений // Ученые записки. – Выпуск IX. Курскб. – 1959. – С. 57–76;

Русская грамматика, 1980 – *Русская грамматика.* Т. II. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – С. 149–159.

Словарь русского языка в четырех томах, 1985–1988 – *Словарь русского языка в четырех томах:* В 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус.яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988.

Чесноков, 2004 – *Чесноков П.В.* Текст как воплощение динамического синкретизма // Текст. Структура и семантика: Доклады IX Международной конференции. – М.: СпортАкадемПресс, 2004. – 278 с.

Чесноков, 2002 – *Чесноков П.В.* Прагматический аспект семантических и логических форм мышления как значения грамматических структур // *Личность, речь и юридическая практика. Вып. 5.: Ростов-на-Дону, 2002.*

Чеснокова, 1996 – *Чеснокова Л.Д.* Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах. – Ростов-на-Дону, 1996. – 210 с.

References

Babaytseva, V.V. (2000) *The phenomenon of transitivity in the grammar of the Russian language*, M., Drofa, 638 p. (in Russian)

Bertyakova, A.N. (2019) Prepositional-case frame as a reflection of semantic changes in the name // *Russian grammar: active processes in language and speech (Yaroslavl, May 17-19, 2019) Collection of scientific works of the International Scientific Symposium / Yaroslavl*, pp. 88–93. (in Russian)

Bertyakova, A.N. (1999) Semantics and structure of headings of text reminiscences at the functional-communicative syntactic levels // *Language of the writer. Text. Meaning. Collection of scientific papers. Responsible editor L.V. Lisochenko*, Taganrog, pp. 95–101. (in Russian)

Bertyakova, A.N. (2015) Syncretic semantics of the preposition between // *Philological sciences. Higher school scientific reports*, No. 5. pp. 27–32. (in Russian)

Clark, H.H. (1973) Space, time, semantics and the child // *Cognitive Development and the Acquisition of Language / New York.*

Chesnokova, L.D. (1996) *The problem of the members of the proposal in theoretical and methodological aspects*, Rostov-on-Don, 210 p. (in Russian)

Chesnokov, P.V. (2002) The pragmatic aspect of semantic and logical forms of thinking as the meaning of grammatical structures // *Personality, speech and legal practice*, Issue 5. Rostov-on-Don. (in Russian)

Chesnokov, P.V. (2004) Text as the embodiment of dynamic syncretism // *Text. Structure and semantics: Papers of the IX International Conference*, M., SportAkademPress, 278 p. (in Russian)

Dictionary of the Russian language in four volumes, (1985–1988): In 4 volumes / Academy of Sciences of the USSR, Institute of Russian language; Ed. A.P. Evgenieva, 3rd ed., Stereotype, M., Russian language. (in Russian)

Gougenheim, G.Y (1959) A-t-il des prepositions vides en francais? // *Le francais modern, XXVII / 1;*

Hottenroth, P.M. (1991) Prapositionen und Objektkonzepte: Ein kognitiv orientiertes, zweistufiges Modell für die Semantik lokaler Prapositionen // *Approaches to Prepositions / G. Rauh (ed.), Tübingen, (Tübingen Beiträge zur Linguistik, 358).*

Havranek B. (1938) *Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur // Actes du IV Congrès international des linguistes. Copenhague, 154 p.*

Janda, L.A., Clancy S.J. (2002) *The Case Book for Russian*, Bloomington, Slavica.

Kostomarov, V.G. (2014) *Language of the moment: the concept of correctness*, SPb., Zlatoust, 220 p. (in Russian)

Krongauz, M.A. (2005) *Semantics: A textbook for students*. Lingv. Fac. Higher. study. institutions / Maxim Anisimovich Krongauz, M., Publishing Center "Academy", 352 p. (in Russian)

Leech, G.N. (1938) *Toward a semantic description of English*, London.

Levi-Strauss, K. (1985) *Structural Anthropology*, M., Nauka, 1985.536 p. (in Russian)

Peshkovsky, A.M. (1956) *Russian syntax in scientific coverage*, M., Uchpedgiz, 511 p. (in Russian)

Popov, A.S. (1959) Functional types of nominative sentences // *Uchenye zapiski. Issue IX. Kurskb, pp. 57–76. (in Russian)*

Russian grammar, (1980) T. II. Syntax. M., Nauka, pp. 149–159. (in Russian)

Valgina, N.S. (2020) *Active processes in modern Russian*. Access mode: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01> Date of appeal: 2020. (in Russian)

Vinogradov, V.V. (1986) *Russian language (Grammatical teaching about the word)*: Textbook. Manual for universities / Otv. Ed. G.A. Zolotov, M., Higher. shk., 640 p. (in Russian)

Yakubinsky, L.P. (1953) *History of the Old Russian language*, M., Uchpedgiz, 368 p. (in Russian)

Welsche B. (1988) *At ease with at II Journal of Semantics*, 5.

Wierzbicka A. (1988) *The semantics of grammar*, Amsterdam, Ch. X.

Zolotova, G.A. (2001) *Syntactic dictionary. Repertoire of elementary units of Russian syntax*, Moscow, Nauka, 440 p. (in Russian)

Zolotova, G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. (2004) *Communicative grammar of the Russian language*, M., 544 p. (in Russian)